

В Великом Королевстве Чу было не так уж много людей с голубыми глазами. Может быть, на десять тысяч и не найдется ни одного человека.

В этот момент, даже при том, что Гу Бай, имевший внешность первоначального носителя, не имел сходных черт лица с тем человеком в сердце Фу Цзюнли, Фу Цзюнли все еще не мог удержаться, чтобы не вспомнить того человека из много лет назад, из-за этой необыкновенной пары глаз.

Фу Цзюнли был первоначально несчастен, потому что он вернулся посреди ночи в шумную и беспорядочную ситуацию, имея раздраженное выражение лица, но он стал мягким почти в мгновение ока, когда увидел Гу Бая.

Он помог нежному и мягкому Гу Баю подняться, защищая его. Затем он повернул голову, вновь обретя свое холодное выражение, и сказал мастеру Фу: - Отец, что случилось, что среди ночи поднялся такой шум?

Хотя он называл его отцом, в его тоне не было никакого уважения, и вместо этого он говорил так, как будто допрашивал или, скорее, обвинял другого человека. В этот момент было видно, кто из членов семьи Фу сказал последнее слово и сделал решающий шаг, а Фу Цзюнли с самого начала никогда не видел в нем своего отца.

Характер Фу Цзюнли изначально был холоден как лед и безжалостен. Его мать была кем-то, кто был до смерти разгневан мастером Фу. Было бы странно, если бы он проявил дружелюбие к мастеру Фу.

Мастер Фу некомпетентен. В настоящее время Фу Цзюнли был единственной причиной, по которой семья Фу могла продолжать быть богатой. Мастер Фу вытер со лба капли пота. Он даже не осмелился заговорить с сыном, а только сделал знак глазами в сторону трех наложниц, стоявших рядом с ним, и попросил их все объяснить.

Когда Гу Бай увидел это, он быстро бросил многозначительный взгляд на Ду Хайтан. Ду Хайтан сразу же все поняла и подбежала, торопясь заговорить перед остальными тремя наложницами.

- Старший молодой господин, спасите Юньси моей семьи, я прошу вас восстановить справедливость в отношении сына этой наложницы!

- Что же все-таки случилось?

Хотя Фу Цзюнли никогда не видел Гу Бая в эти последние годы, он все еще слышал имя Юньси. Подумать только, Юньси - это юноша, который сейчас находится в его объятиях, и у него такие же глаза, как у Ляньцзи.

Думая об этом, он посмотрел вниз на Гу Бая и увидел выражение стыда на лице юноши. Его голубые глаза были красными и блестели от слез, придавая ему вид, который заставил людей чувствовать жалость. Фу Цзюнли нахмурил брови.

- Старший молодой мастер, семейный позор не должен распространяться на посторонних, но вы тот, кто управляет семьей Фу, и семейные дела должны решаться вами. Сегодня второй молодой мастер пригласил Юньси моей семьи в ресторан, чтобы выпить и подружиться. Это было хорошо, но кто знал, что второй молодой мастер будет иметь гомосексуальные намерения по отношению к моему Юньси! Мой Юньси не послушался и выпрыгнул в окно, сломав ногу. Тогда второй молодой мастер занялся этим грязным делом и получил травмы сам. Но теперь он вернулся и обвиняет моего Юньси, вуууу, умоляя молодого мастера принести

справедливость. Юньси должен пройти предварительные имперские экзамены. Что мы можем сделать теперь, когда его нога сломана, ах. Кроме того, если этот вопрос выйдет наружу, как мы сможем выйти и появиться перед другими людьми...

Ду Хайтан закончила говорить, плача, даже не делая вдоха между словами. Она не жалела ни сил, ни боли, чтобы пожаловаться. Во всяком случае, третья наложница уже обиделась, и это немного ничего не изменит.

- Эта шлюха несет чепуху! Ясно, что он соблазнил моего сына! - Поспешила сказать третья наложница. Самым старшим молодым мастером был не мастер Фу. Мастер Фу защищал своего сына, но Фу Цзюньли очень ненавидел ее сына.

Конечно же после того, как Фу Цзюньли закончил слушать, его лицо немедленно остыло, Гу Бай, видя эту возможность, поднял голову, его лазурные глаза показывали выражение унижения и печали.

Мысли Фу Цзюньли замерли. Он притянул Гу Бая ближе, прежде чем обратить свой пристальный взгляд на третью наложницу, холодно сказав:

- Второй брат в последние годы становится все более и более возмутительным. В деревне Дунчэн просто не хватает кого-то ответственного, завтра я отправлю туда младшего брата и узнаю, как управлять делами деревни. Отныне, сегодняшнее дело будет отброшено!

По отношению к этому человеку, похожему на Ляньци, он мог быть снисходителен и несколько защищать его.

Когда он закончил, он поднял Гу Бая на руки, как принцессу, и ушел в гневе. Третья наложница осталась позади с испуганным лицом, стоя на своем прежнем месте, и вдруг громко заплакала.

Деревня Дунчэн - это бесплодное, горное место. Если ее сын поедет туда, то она боялась, что у него никогда не будет шанса вернуться. Без ее сына, кто будет поддерживать ее в будущем?

С другой стороны, Фу Цзюньли увел Гу Бая. Он не отправил его обратно во двор, где он жил, а привел его в свою комнату и позвал врача, чтобы осмотреть его ноги.

Фу Цзюньли вел себя как джентльмен на поверхности и казался исключительным молодым мастером. Но на самом деле он больше, чем кто-либо другой, действовал без причины, и когда он выполнял задачи, он делал все полностью по своему усмотрению. Например, в оригинальном сюжете, когда он легко вырвал глаза оригинального хозяина, можно было увидеть от этого, насколько он большой ублюдок.

Теперь Фу Цзюньли в очередной раз решил судьбу Ду Юньси. Никто не осмеливался нарушить его приказы, и еще больше никто не осмеливался остановить его поведение. Таким образом, Гу Бай послушно оставался неподвижным, когда он привел его обратно.

Доктор закончил осмотр вывихнутой ноги, вернул ее в прежнее положение и хорошенько перевязал. После того, как он ушел, Гу Бай склонил голову и прошептал: - Большое спасибо за справедливое решение старшего молодого мастера...

- Не нужно меня благодарить, поведение второго брата было безнравственным. Ему нужно преподать хороший урок, - сказал Фу Цзюньли с нежным выражением лица.

Увидев, что голова Гу Бая была опущена, что делало его неспособным видеть эту пару знакомых и любимых глаз, он тут же снова нахмурился и протянул руку, чтобы поднять голову юноши. Только когда он снова увидел эти голубые глаза, на его лице появилась мягкая улыбка, и он продолжил:

- Почему ты не смотришь на меня, когда говоришь?

Гу Бай сопротивлялся желанию уйти от него с большим трудом и спокойно сказал:

- Когда я впервые вошел в резиденцию, дворецкий сказал, что первое и самое главное правило после входа в резиденцию заключается в том, что нельзя поднимать голову и смотреть на старшего молодого мастера...

Фу Цзюньли помолчал, вспомнив об этом своем правиле, и на мгновение почувствовал необъяснимое раздражение. Тот факт, что он только сегодня открыл глаза этого юноши, оказывается, это было из-за этого правила.

- Это правило распространяется только на других. Тебе не нужно следовать ему в будущем. Ты должен смотреть на меня, когда говоришь....

Он повернул лицо Гу Бая прямо к себе и жестко произнес эту просьбу.

Гу Бай был очень сговорчив и сразу же поднял голову и, используя эти красивые глаза, чтобы посмотреть на него, послушно кивнул.

Фу Цзюньли был в восторге от этого хорошо воспитанного вида, и он сразу же склонил голову и поцеловал его глаза, хваля: - Твои глаза очень красивые...

"..."

Гу Бай молчал, в его глазах была некоторая паника и неуверенность в том, что он должен делать, как милый маленький кролик. Сердце Фу Цзюньли смягчилось, когда он увидел это.

Благовоспитанный юноша перед ним напомнил ему сцену, которую он впервые увидел много лет назад. В это время юноша также демонстрировал паническое и ошеломленное выражение лица. Эти лазурные глаза были так прекрасны, он был таким очаровательным человеком.

Он не мог не наложить фигуру в своей голове на фигуру Гу Бая, стоящего перед ним. Поскольку он был так близко к Гу Баю, он внезапно почувствовал запах орхидейного благовония на нем, и не мог не спросить: - На твоем теле присутствует аромат орхидей? Тебе нравятся орхидеи?

Уголки губ Гу Бая поползли вверх, он, неглубоко улыбаясь и кивнул "Эн."

- Почему ты любишь орхидеи? - Фу Цзюньли был несколько взволнован.

«Потому что тебе это нравится, ага. Потому что орхидеи испускали некий таинственный аромат и обладали благородным и чистым нравом. Потому что твой Белый лотос – это твоя высокая и незапятнанная орхидея, ах. Этот дедушка хочет быть ближе к тебе, даже если тебе это не нравится, ты все равно должен любить меня!»

Гу Бай тайно сказал это в своем сердце, но он слегка улыбнулся на поверхности: - Осенние орхидеи, такие чистые, зеленые листья и пурпурные стебли... в поле красивых цветов, это бы

выделялось, такой вид орхидеи, как может кто-то не любить его...

Когда эти слова упали, Фу Цзюньли только почувствовал, что перед ним все расплылось в тумане. Казалось, он увидел в своем сердце человека, о котором уже давно думал. Внезапно он протянул руку и обнял Гу Бая, прижав подбородок ко лбу, бормоча: – Ляньцзи... Ляньцзи, я наконец-то нашел тебя...

Гу Бай ничего не сказал, но кулаки, спрятанные под его рукавами, крепко сжались без единого слова или движения. Только тогда он смог вытерпеть и подавить боль и негодование, которые внезапно поднялись из глубины его живота из-за первоначального хозяина тела.

.....

После этого Гу Бай остался в суде Фу Цзюньли, чтобы вылечить его травму ноги. Фу Цзюньли, который в прошлом редко возвращался домой, стал возвращаться в резиденцию каждый день.

Однако времена, когда его эмоции выходили из-под контроля, как в ту ночь, больше не повторялись, потому что, кроме его глаз, внешний вид первоначального носителя не был фактически похож на Ляньцзи. Это было не то, что можно было легко спутать.

Только ледяное лицо Фу Цзюньли смягчилось, когда он увидел глаза Гу Бая. Это было так, как будто он искал намек на кого-то другого в его глазах. Было совершенно ясно, что другая сторона уже начала относиться к нему как к заместителю Ляньцзи.

Хотя Гу Бай намеревался намеренно имитировать внешность Ляньцзи, чтобы приблизиться к Фу Цзюньли, он не хотел продолжать подражать ему вечно. Это был просто способ подобраться к нему поближе. Если бы он просто слепо подражал, он боялся, что чувства Фу Цзюньли к Ляньцзи станут глубже, что не было выгодно для его задачи.

Поэтому то, что ему нужно было сделать после того, как он приблизился – это показать особые характеристики, которые принадлежали Ду Юньси, когда он имитировал, и незаметно повлиять на него, чтобы незаметно посадить новое семя в сердце Фу Цзюньли.

Тогда он найдет способ дать этому семени прорасти и вырасти в возвышающееся дерево, скрывая блеск Ляньцзи...

В этот день у Фу Цзюньли было достаточно времени, чтобы он не покидал резиденцию. Солнце светило ярко, и он послал человека, чтобы организовать стол для Гуцинь. Он изящно перебирал струны, глядя на сад, полный орхидей, и вспоминал прошлое.

Гу Бай сидел на каменной скамье, подперев обеими руками подбородок, его ясные глаза пристально смотрели на него.

Почувствовав его пристальный взгляд, Фу Цзюньли повернул голову и спросил, улыбаясь - Ты умеешь играть на Гуцинь?

- Нет... - искренне покачал головой Гу Бай. Он знал, как делать многие вещи, но он не знал, как играть на Гуцинь.

- Ты хочешь учиться? Я тебя научу.

Даже если юноша перед ним совсем не похож на Ляньцзи, эта пара похожих глаз всегда может заставить его сердце растаять в луже. Он вспомнил, как играл на Гуцинь вместе с этим

человеком раньше.

К сожалению, Гу Бай покачал головой и сказал: - Я не хочу учиться....

- Но почему же?

Лицо Фу Цзюнли стало холодным почти в одно мгновение. Приятное выражение лица, которое он имел по отношению к Гу Баю, было полностью основано на его сходстве с Ляньцзи.

Гу Бай увидел все его эмоции в одном взгляде, и в своем сердце он покачал головой и вздохнул.

Дело было не в том, что он не любит Гуцинь, а просто в том, что в сюжете, потому что первоначальный хозяин случайно коснулся Гуцинь, который считался Ляньцзи, Фу Цзюнли наказал его, вырвав все десять его ногтей. Из-за психологической тени, оставленной позади, он был не в состоянии контролировать отвращение этого тела к изучению Гуцинь.

Отбросив эту мысль, он снял с пояса нефритовую флейту и помахал ею перед собой. На его красивом лице появилась яркая улыбка.

- Хотя звук Гуцинь прекрасен, я думаю, что звук флейты еще более интересен. Я знаю, как играть, готов ли брат Цзюнли сопровождать Юньси в исполнении пьесы?

Правильно, он обратился к нему, используя этот женственный способ "брат Цзюнли". Кто сказал этому белому лотосу обращаться к Фу Цзюнли вот так. К сожалению, было ясно, что этому человеку нравилось такое поведение.

В одно мгновение неудовольствие Фу Цзюнли, которое он только что испытал, исчезло при этом наименовании.

Хотя у него были некоторые сожаления, что он не мог играть на Гуцине с Гу Баем. В прошлом игра на Гуцине, когда он был вместе с Ляньцзи, была их любимым видом развлечений. Но то, что Гу Бай позвал его так, успокоило его внутреннее сердце, и поэтому он неохотно принял это. Кивнув головой, он согласился на его просьбу о сопровождении.

- Тогда я начну первым....

Гу Бай улыбнулся, затем легко поместил нефритовую флейту между губами и подул.

Вопреки ожиданиям Фу Цзюнли, он не выбрал элегантную и медленную мелодию, а сыграл очень веселое и беззаботное музыкальное произведение, которое было таким же живым, как плеск весны.

Причина, по которой Гу Бай выбрал эту пьесу, была, естественно, выражать через нее особые черты Ду Юньси. Любимый Ляньцзи Фу Цзюнли больше всего любил элегантную и эмоциональную музыку, поэтому он выбирал музыку с противоположным стилем.

Его призыв к брату Цзюнли выявил еще одно небольшое сходство, а затем он сыграл песню, которая не была похожа на него на нефритовой флейте, эти вещи противоречили друг другу, заставляя Фу Цзюнли чувствовать себя противоречивым. Они были похожи, но также нет. После того, как этот конфликт накопился в определенной степени, Фу Цзюнли абсолютно не будет использовать его в качестве замены Ляньцзи, потому что они были двумя совершенно разными людьми.

Фу Цзюньли некоторое время бледнел и не догонял. Гу Бай действительно слушал его и продолжал играть. Он знал, как играть на нефритовой флейте, а также любил играть на нефритовой флейте, потому что это было то, чему Цинь Шицян научил его в прошлом мире.

Цинь Шицян был как Не Цинцан первого мира, они оба любили веселые и живые ритмы. В первом мире, Не Цинцан знал, как играть на пианино. Во втором мире Цинь Шицян играл на нефритовой флейте. Он не знал, понравится ли Цзи Чжаньиню этого мира веселая музыка или нет. Нет, он определенно сделает это, потому что они все были одним и тем же человеком.

Думая таким образом, сердце Гу Бая поднялось от счастья, и даже музыка, которую он играл, была под влиянием, заставляя ее звучать еще слаще и веселее.

Он прищурился, наслаждаясь музыкой. Этот вид счастья влиял на настроение окружающих его людей, а также влиял на Фу Цзюньли. Он уже давно не испытывал такого радостного и расслабленного чувства.

На самом деле, он также любил звук флейты больше, чем Гуциня. Просто Ляньцзи нравилось играть на Гуцине, поэтому ему тоже стало это нравиться.

Когда Гу Бай наконец закончил играть на флейте и открыл глаза, используя эти лазурные зрачки, чтобы посмотреть на него, Фу Цзюньли почувствовал мягкость и нежность, которые он не мог выразить словами в своем сердце.

Как раз в тот момент, когда казалось, что эти два человека снова начнут пересекаться, Гу Бай подошел, потрогал несколько струн Гуциня, а затем вручил ему нефритовую флейту в своей руке. Он наклонил свою маленькую головку, его глаза изогнулись, и он ярко улыбнулся.

- Брат Цзюньли, скоро начнутся предварительные экзамены в Императорскую школу, Юньси сегодня еще не учился, так что он сегодня не будет с тобой болтать. Ты поиграешь немного на музыкальных инструментах и полюбишься цветами в первую очередь, а Юньси пойдет читать книги прямо сейчас...

Сказав это, Гу Бай развернулся и ушел, оставив после себя слабый запах.

Фу Цзюньли понюхал его и не смог удержаться, чтобы не нахмурить брови. Сегодня у юноши не было привычного аромата орхидеи. Если не считать голубых глаз, они с Ляньцзи были совсем не похожи.

От такого понимания лицо Фу Цзюньли похолодело. Спустя долгое время он посмотрел на нефритовую флейту в своей руке. Он вспомнил только что испытанное чувство радости и не мог не смягчиться. Его флейта тоже уже давно лежит в пыли...

<http://bllate.org/book/15890/1418203>